

Р.Ф.Туровский
**НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
 И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ
 ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ:
 ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ¹**

Ключевые слова: партийная система, национализация, регионализация, электоральная география

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» по теме «Политическая конкуренция в России: субнациональное измерение», реализуемой Лабораторией региональных политических исследований.

Российские исследования партийных систем обычно сфокусированы на их генезисе и акторной структуре, конкурентности и институционализации. При этом такая важнейшая характеристика партийной системы, как ее национализация, по большей части оказывается вне поля зрения отечественных ученых. Отчасти данная проблематика представлена, правда, в работах по электоральной географии, однако эти работы имеют иную направленность и цели, не затрагивая фундаментальных политических основ партийных систем. Немногим лучше обстоит дело и с регионализацией партийных систем, которая если изучается, то опять же преимущественно в рамках электоральной географии. Подобное положение вещей, на наш взгляд, нуждается в исправлении, и помочь в этом могут наработки западных ученых. Анализу этих работ в контексте их возможного использования в российских условиях и посвящена настоящая статья.

* * *

Уже семантические особенности понятий «национализация» и «регионализация» позволяют трактовать их и как явление, и как динамический процесс. Примечательно, что в зарубежной литературе национализация рассматривается в качестве результата определенного исторического процесса, связанного с нациестроительством, стадиальным формированием государственности. Суть процесса национализации, по мнению его исследователей, состоит в территориальной гомогенизации электорального поведения с точки зрения как электорального участия, так и поддержки определенных партий и партийных кластеров². Предполагается, что на некоем первоначальном этапе, который обычно соотносится с XIX в., партийная поддержка носила локализованный, фрагментированный и разнящийся от территории к территории характер, но со временем этот исходный хаос уступил место более равномерному распределению. Иначе говоря, национализация как процесс представляет собой «широкую историческую эволюцию в направлении

² Caramani 2004: 1.

складывания национальных электоратов и партийных систем, партийных организаций и кампаний, а также проблем и партийных программ³. Тем самым партии приобретают более централизованный характер, их деятельность начинает охватывать всю территорию страны, периферии встраиваются в единую систему, и региональная специфика голосований становится не столь ярко выраженной. Если приспособить понятие «национализация» к российскому дискурсу, то оно будет означать формирование общенациональных характеристик партийной системы, повторяющихся от региона к региону. Вместе с тем национализацию не нужно смешивать с абсолютным единообразием электорального поведения, выражающимся в повсеместной поддержке одной и той же политической силы.

В исследованиях национализации можно выделить американское и западноевропейское направления. При этом наиболее важным оказался именно случай США, поскольку конечным результатом американского исторического процесса как раз и стало формирование условий для достаточно стандартного противоборства двух партий — Демократической и Республиканской — во всех штатах. Сама идея «национализации политики» имеет американское происхождение, будучи связанной с образованием США и постепенной консолидацией американской нации⁴. Складывание подлинно общенациональных (nationalized, если следовать не только духу, но и букве первоисточников) партий в США происходило в конце XIX в., особенно в 1880—1896 гг. Эта тенденция была вызвана укреплением института президентства и повышением роли партий в выдвижении и поддержке кандидатов на этот пост, что, в свою очередь, потребовало усиления национальных партийных комитетов и, соответственно, преодоления прежней фрагментации, когда партийные структуры пытались продвигать региональные и локальные интересы, в том числе при выборе кандидатов в президенты⁵. Итогом этого процесса стала и национализация американского электората⁶.

Довольно активно используется при анализе национализации политики и партийной системы и европейский опыт. Здесь исследователи чаще всего апеллируют к классическим трудам С.Роккана и его коллег, которые внесли неоценимый вклад в изучение как территориальной политики в Европе, так и происхождения европейских партий⁷. Так, опираясь на выдвинутые в этих трудах концепции социальных и политических размежеваний, крупнейший современный исследователь национализации политики Д.Карамани подробно рассматривает эволюцию территориальных структур электорального участия и поддержки в 17 западноевропейских странах начиная с середины XIX в.⁸

Изучение национализации на других примерах осуществляется пока нечасто, хотя разработанные на сегодняшний день индикаторы национализации уже доказали свою применимость и за пределами Северной Америки и Европы. В то же время при рассмотрении, в частности, опыта латиноамериканских стран⁹ эти индексы нередко подвергаются

⁴ Caramani 2004: 32. См. также Schattschneider 1960.

⁵ Klinghard 2010.

⁶ Claggett, Flanigan, Zingale 1984; Kawato 1987.

⁷ Rokkan, Urwin 1982; Rokkan, Urwin 1983; Rokkan et al. 1987.

⁸ Caramani 2004.

⁹ См., напр. Harbers 2010; Morgenstern, Polga-Hecimovich, Siavelis 2014.

корректировке, иногда подразумевающей и прямую ревизию классических измерений.

* * *

Прежде чем переходить к описанию богатой и вместе с тем противоречивой традиции измерения партийно-политической национализации, важно определиться со смыслами этого процесса и результирующей его характеристики. В западной литературе можно найти упоминания о двух параллельных каналах политического представительства — территориальном и функциональном¹⁰. Примечательно, что с демократическими преобразованиями напрямую ассоциируется именно первый из них, что, впрочем, неудивительно, ведь классическая электоральная демократия предполагает территориальную организацию электорального процесса, включение в него территориальных сообществ и, как следствие, региональное представительство в парламенте¹¹. Федерализм, кстати, тоже воспринимается как одна из форм территориального представительства. В силу этого заведомо бессмысленно и даже невозможно исследовать электоральные процессы без учета их территориальности. Функциональное представительство основано на социальной структуре, корпоративных и субкультурных интересах. Исторически оно связано с корпоративизмом, характерным для «старых» европейских парламентов, существовавших до появления массовой политики и участия, развитие которых знаменовало собой приход современной демократии.

Соотношение территориальности и функциональности в политике — довольно старая тема, восходящая к традиционным репрезентациям партийных систем и голосований на языке структурных размежеваний (расколов) и осей¹². В частности, совершенствуя основы электоральной географии, П.Тэйлор и Р.Джонстон еще в 1970-х годах рассматривали территориальную и функциональную оси в качестве конституирующих электоральное пространство. Территориальная ось, или ось «центр—периферия», определяется фундаментальным противоречием между общенациональным и локальным началами в политике. В свою очередь функциональная ось задается противоречием между идеологическим и прагматическим началами и предполагает социально-экономические конфликты между группами интересов на всей территории страны без особой региональной привязки¹³. В работах по национализации политики воображаемое двухмерное политическое пространство тоже выстраивается вокруг территориальной и функциональной осей. На территориальной оси один экстремум составляет местная оппозиция централизации и стандартизации (преобладание локального начала), другой — конфликты, характерные для системы в целом (преобладание общенационального начала). На функциональной оси различия обусловлены содержанием конфликтов: на одном конце расположены конфликты по поводу ресурсов (экономических выгод),

¹⁰ Rokkan 1977.

¹¹ Caramani 2004: 36.

¹² Lipset, Rokkan 1967; Rokkan 1970; Zuckerman 1975.

¹³ Taylor, Johnston 1979: 112.

¹⁴ Caramani 2004: 28.

на другом — по поводу групповой идентичности, в том числе языка и религии¹⁴.

В рамках двухмерного территориально-функционального политического пространства высокий уровень национализации находится на одном из краев территориальной оси, предполагая доминирование общераспространенных социально-политических конфликтов над специфическими локальными. Таким образом, уровень национализации — это одновременно и место данной партийной системы на территориальной оси. Содержание самих конфликтов может быть различным, поэтому конкретные партийные системы могут располагаться в любой части функциональной оси в зависимости от преобладания «прагматизма» или «идеологии».

Высокий уровень национализации партийной системы предполагает территориальную гомогенность конкурентного паттерна. Другими словами, национализация отнюдь не означает низкой конкуренции и никак не сказывается на качестве демократии. Ее смысл заключается лишь в том, что одни и те же структурные характеристики конкуренции повторяются на всей территории страны. В этой логике современные партии обеспечивают не только воспроизводство социальных размежеваний, но и повышение уровня национализации, то есть не только «раскалывают», но и «интегрируют». Именно поэтому партии рассматриваются в качестве активных акторов, которые способствуют эрозии территориальных расколов, становясь проводниками национализации. Иначе говоря, эти расколы сглаживаются не только за счет общего процесса социальной интеграции в рамках того или иного государства, но и благодаря усилиям самих партий, заинтересованных в приобретении общенационального статуса и «завоевании» максимальной территории. Тем самым политические партии начинают играть двоякую роль, будучи одновременно агентами социального конфликта и инструментами территориальной интеграции¹⁵. Подобный перенос акцента на активную, структурирующую роль партий можно назвать акторным подходом в исследованиях национализации¹⁶.

К интеграционной функции партий в территориальной политике тоже обращались многие авторы, уделяя главное внимание интеграции различного рода социокультурных периферий усилиями крупных общенациональных игроков. Роккан даже описал четыре стадии этого процесса, обозначив их как стадии инкорпорации, мобилизации, активизации и политизации. На первой стадии происходит формальное включение новых граждан в структуру государства, на второй — привлечение их в качестве избирателей. Но подлинный интеграционный процесс разворачивается на третьей стадии, когда периферия начинает выдвигать своих кандидатов на выборах. Наконец, финальная стадия предполагает замену локального правления, осуществляемого силами сугубо местных игроков, правлением общенациональных партий¹⁷. На практике, впрочем, подобная «идеальная» динамика встречается нечасто.

¹⁵ Taylor, Johnston 1979: 129.

¹⁶ См. Caramani 2004: 6. Напомним, что в рамках социоструктурного подхода, восходящего к С. Липсету и С. Роккану, партии рассматриваются в качестве производных от общественных процессов. В иной системе координат работают приверженцы так называемого организационно-институционального подхода, уделяющие основное внимание процессам создания и функционирования партий (см. Pehl 2010: 31).

¹⁷ Rokkan 1970.

Таким образом, электоральная и партийная национализация может быть представлена в виде двух измерений, которые, с нашей точки зрения, было бы точнее именовать географическим и иерархическим. Географическое измерение характеризует уровень территориального единообразия голосования и параметров партийной системы. Иерархическое измерение отражает степень доминирования общенациональных политических сил, а также актуальных для общества проблем над региональными и локальными¹⁸. Если рассматривать национализацию как процесс, то территориальная гомогенность является следствием интеграции периферий, которая в исторической ретроспективе часто связана с общим процессом построения нации. Этот процесс влечет за собой также преобладание центра и его повестки в содержательном наполнении выборов¹⁹.

¹⁸ *Caramani 2004: 42.*

¹⁹ *Ibid.: 32.*

* * *

Очевидно, что степень национализации партийных систем вариативна и изменчива. Нельзя говорить и о том, что все развитые партийные системы обязательно демонстрируют высокий уровень национализации. Да, партийно-электоральная национализация в известном смысле может считаться эталонной характеристикой общества, успешно прошедшего этап нациестроительства. Но, во-первых, не всем обществам это удалось, и многие из них уже не движутся в этом направлении либо вступили на путь дезинтеграции. Во-вторых, даже в тех обществах, где успели закрепить общенациональные начала в политике, возможны рецидивы регионализации в качестве реакции на неэффективность центральной власти.

Измерение степени национализации позволяет говорить как об актуальном состоянии, так и о динамике этого процесса и предоставляет богатый материал для содержательных международных сравнений²⁰. На сегодняшний день разработано много различных индикаторов национализации, качество и применимость которых, однако, не всегда высоки.

²⁰ *Kasuya, Moenius 2008; Bochler 2010.*

В рамках первого подхода к измерению национализации анализируется степень активности партий на территории страны. Национализация в данном случае означает, что партия действует и выдвигает своих кандидатов повсеместно. При таком подходе, кстати, национализация партийной системы смыкается с регионализацией (как противоположной характеристикой), для которой принципиально важно наличие партий, заведомо действующих исключительно на региональном уровне. В зарубежной литературе соответствующие индикаторы часто называют индексами конкуренции, однако, на наш взгляд, подобное именование сбивает с толку, поскольку речь в них идет лишь о фиксации включения партий в конкуренцию, а отнюдь не об уровне таковой (для его измерения есть свои индикаторы вроде эффективного числа партий). На концептуальном уровне национализация здесь предполагает, что

«политики, стремящиеся быть избранными в национальную легислатуру от различных округов, выдвигаются под общим партийным брендом»²¹. Тем самым включение в списки общенациональных партий становится выгодным и потому распространенным. Иными словами, местные политики заинтересованы в общенациональной координации своих усилий, что стимулирует их вступать в крупные партии (хотя в отдельных регионах события могут развиваться и по другому сценарию).

²¹ Cox 1997: 186.

Наиболее эффективным и при этом вполне очевидным инструментом измерения национализации с точки зрения партийной активности на территории является, на наш взгляд, индекс территориального покрытия (territorial coverage index), предложенный Карамани. Этот индекс вычисляется как процент округов, в которых партия выдвинула своих кандидатов, от общего числа округов²². Соответственно, те партии, которые следует считать подлинно национальными, стремятся к повсеместному выдвижению кандидатов, тогда как «региональные» или сознательно концентрируют свои усилия в определенных районах, или не в состоянии обеспечить повсеместное выдвижение из-за нехватки ресурсов. Указанный способ измерения восходит к самым истокам изучения национализации, напоминая и о работах Э.Шаттшнайдера по американской политике, и о процессах интеграции периферий, о которых писал Роккан. Гораздо менее релевантным представляется другой способ измерения партийной активности на территории, сфокусированный на наличии округов, в которых полностью отсутствует конкуренция, то есть выдвинут только один кандидат²³: фиксация подобной ситуации мало что дает при изучении национализации, да и встречается она в демократиях нечасто или просто исключена по закону.

²² Caramani 2004: 30–31.

²³ Rose, Urwin 1975; Urwin 1982.

Главный недостаток индекса партийного покрытия — полное игнорирование уровня поддержки партийных кандидатов, механическое приравнивание самого факта выдвижения таковых к национализации. С целью преодоления этого недостатка предпринимаются попытки усложнить формулы, включив в них доли голосов, полученных кандидатами на выборах²⁴.

²⁴ Caramani 2004.

Ближе всего к оценке степени территориальной однородности голосования как принципиально важной характеристики национализации второй подход к ее измерению, уделяющий основное внимание как раз гомогенности голосования и, следовательно, единообразию электро-ального паттерна.

²⁵ Rose, Urwin 1975.

²⁶ Lee 1988.

Самый простой способ измерения территориальной гомогенности голосования строится на анализе региональных отклонений от общенационального результата. Индекс вариации, или среднее абсолютное отклонение, представляет собой сумму отклонений от общенационального процентного показателя для всех регионов страны (без учета знака этих отклонений) и определяется для каждой партии отдельно. Эта сумма обычно делится на число регионов²⁵, хотя в одной из версий данного индекса предусмотрено деление просто на два²⁶. Очевидный изъян подобных примитивных измерений, лишаящий их какой-либо

эвристической ценности при изучении национализации, — зависимость результата от величины партийной поддержки. Поскольку у более популярных партий величина отклонений от среднего всегда будет больше, чем у мелких, использование данного индекса способно полностью исказить реальную картину. Осознание этой проблемы подтолкнуло исследователей к разработке более сложных индексов, учитывающих число регионов и общенациональный уровень поддержки партии²⁷.

²⁷ Caramani 2004.

Другой ряд измерений основан на вычислении взаимосвязанных статистических показателей — среднего квадратичного отклонения, дисперсии и стандартного отклонения²⁸. Но он тоже не позволяет решить проблему зависимости итогового показателя от величины партийной поддержки²⁹.

²⁸ Stokes 1967.

²⁹ Taylor, Johnston 1979: 152—153.

Более эффективен в этом отношении коэффициент вариации, при котором стандартное отклонение делится на средний результат партии по стране. Этот показатель представляется наиболее релевантным в данной группе. Следует, правда, учитывать, что в нем отсутствует как ясная интерпретация того, что считать высоким уровнем вариации, а что — низким³⁰, так и верхний предел (значение показателя может быть больше единицы). Впрочем, последняя проблема не столь уж серьезна, поскольку коэффициенты, превышающие единицу, встречаются крайне редко. В то же время, по оценке некоторых исследователей, коэффициент вариации чувствителен к числу регионов и уменьшается в случае их роста, что снижает качество международных сравнений. Но для стран с небольшим количеством регионов (особенно если их меньше 10) валидность исследований гомогенности электоральной поддержки и лояльностью другой территориальной вариативности в принципе невелика.

³⁰ На основе эмпирических исследований мы предлагаем рассматривать в качестве условного нижнего порога среднего уровня вариации 0,25, а высокого — 0,5. Однако для создания более обоснованной шкалы требуются дальнейшие эмпирические исследования.

Попытки решить проблему чувствительности статистических показателей к величине партийной поддержки и числу регионов посредством все более сложных измерений привели к тому, что на сегодняшний день разработано уже более десятка соответствующих индексов³¹. Среди них стоит отметить совершенно особый индекс кумулятивного регионального неравенства, представляющий собой сумму разностей, вычисленных для каждого региона (по модулю), между долей всех избирателей страны, проживающих в этом регионе, и долей избирателей рассматриваемой партии в данном регионе от общенационального числа избирателей этой партии³², деленную на два³³.

³¹ См., напр. Caramani 2004; Bochsler 2010.

³² В своих работах мы называем этот показатель концентацией электората.

³³ См. Rose, Urwin 1975.

Альтернативой всем рассмотренным выше индексам и коэффициентам, основанным на измерении электоральной гомогенности посредством изучения региональных отклонений от среднего результата, стали показатели, разработанные М.Джонсом и С.Мэйнуорингом и позволяющие измерять уровень национализации не только конкретных партий, но и партийной системы в целом. Для отдельно взятой партии показатель национализации определяется путем вычитания коэффициента Джини из единицы (коэффициент рассчитывается на основе региональных результатов голосования за партию). Для измерения уровня национализации всей партийной системы вычисляется сумма

произведений показателей национализации отдельных партий и их результатов на выборах (в виде доли от единицы). Как известно, коэффициент Джини широко используется для измерения экономического неравенства (прежде всего доходов), но он прекрасно работает при оценке любого неравенства³⁴. Предложенные Джонсом и Мэйнуорингом показатели удобнее коэффициента вариации тем, что находятся в границах от нуля до единицы и допускают более простую интерпретацию.

³⁴ Jones, Mainwaring 2003.

Впоследствии предпринимались попытки усовершенствовать эти показатели за счет учета размера регионов (то есть числа избирателей или сторонников определенных партий в регионе) и их количества³⁵. Появился более сложный показатель статической национализации³⁶. Тем не менее даже относительно простой базовый вариант представляет собой хорошую альтернативу коэффициенту вариации. На наш взгляд, при исследовании территориальной гомогенности голосования вполне достаточно как коэффициента вариации, так и показателей, основанных на коэффициенте Джини.

³⁵ Bochsler 2010.

³⁶ Morgenstern, Potthoff 2005; Mustillo, Mustillo 2012.

Вместе с тем статистические измерения территориальной гомогенности не способны отразить многие содержательные аспекты национализации. В связи с этим было бы полезно, в частности, совместить исследования «партийного покрытия» и электорального единообразия, а также обратить внимание на паттерны электоральной конкуренции в регионах, то есть попытаться определить, какие именно игроки ведут между собой основную борьбу³⁷, что, в свою очередь, потребует выявления конкретных конкурентных сценариев и регионов, для которых они характерны. Другим возможным направлением исследования может стать анализ программных документов политических партий на предмет соотношения общенациональной и локальной повестки³⁸.

³⁷ Pruyssers 2014: 35.

³⁸ Ibidem; Mazzoleni 2009.

Третий подход к измерению национализации базируется на изучении так называемой инфляции, которая рассматривается как антитеза национализации. В рамках данного подхода проводится сравнение конкурентности избирательного процесса на общенациональном и региональном уровнях³⁹. Предполагается, что если конкуренция на этих уровнях совпадает, то можно говорить о высокой степени национализации, в то время как превышение общенационального показателя (особенность расчетов такова, что возможно только превышение) свидетельствует об инфляции⁴⁰. Инфляция здесь означает ситуацию, при которой «общенациональная партийная система становится существенно больше, чем среднее локальных партийных систем»⁴¹. В свою очередь национализация подразумевает, что конкуренция в регионах является зеркальным отражением общенациональной конкуренции — по крайней мере, по своим формальным статистическим характеристикам⁴².

³⁹ При этом речь идет об одних и тех же выборах, а не о сравнении общенациональных и региональных выборов, что могло бы составить не менее интересное направление исследований.

⁴⁰ Simon 2013: 202.

⁴¹ Cox 1999: 155.

⁴² Chhibber, Kollmann 2004: 165.

⁴³ Ibidem.

Для измерения уровня конкуренции обычно используется эффективное число партий (ЭЧП), вычисляемое по формуле М.Лааксо и Р.Таагеперы. Исходный и наиболее простой индекс представляет собой разность между ЭЧП, рассчитанным для общенационального итога выборов, и средним ЭЧП для результатов по отдельно взятым регионам⁴³.

⁴⁴ Moenius, Kasuya
2004.

Позднее был разработан более сложный индекс, учитывающий вклад в инфляцию каждого региона за счет введения в расчеты числа голосящих⁴⁴. И хотя корреляция между двумя индексами довольно высока, второй индекс несколько точнее первого.

При всем том в литературе по национализации партийных систем практически полностью игнорируется вопрос о территориальных единицах анализа партийно-электоральной гомогенности или инфляции. Как правило, авторы просто используют ту территориальную структуру, в рамках которой организован избирательный процесс и, соответственно, дана статистика. В одних случаях это административные регионы, в других — избирательные округа. На наш взгляд, последний вариант неудачен, поскольку, во-первых, нарезка избирательных округов может меняться от выборов к выборам, а во-вторых, такие округа обычно не представляют собой компактных территориальных сообществ со схожими социально-политическими характеристиками, которые отличают их от других сообществ. Административные регионы в этом отношении тоже далеко не идеальны, но они все-таки обладают политико-географической устойчивостью, органами власти и более или менее выраженной идентичностью.

При изучении инфляции, когда речь идет о конкурентных паттернах в рамках определенного электорального процесса, который структурирован посредством деления территории на избирательные округа, использование последних в качестве структурных единиц вполне допустимо (особенно если выборы проводятся по мажоритарной системе). Но исследование партийно-электоральной гомогенности должно все-таки опираться на сложившуюся региональную структуру государства. Только в этом случае мы сможем оценить степень регионального разнообразия. И если для исследователей партийных систем этот вопрос, возможно, не столь уж принципиален, то для электоральной географии он имеет первостепенное значение.

* * *

В качестве иллюстрации приведем наши расчеты электоральной гомогенности российской территории, основанные на коэффициенте вариации.

Снижение региональной неоднородности было особенно характерно для федеральных думских выборов 2007 г. На выборах 2011 г. устойчивость и однородность электорального пространства страны вновь сократились. Наиболее явной тенденцией стало увеличение территориального разнообразия при голосовании за «партию власти», что можно трактовать как падение уровня ее национализации, достигшего пика в 2007 г. Коэффициент вариации для голосования за «Единую Россию» в 2011 г. достиг 0,34, превысив показатель не только 2007 г. (0,17), но и 2003 г. (0,29). Интересно, что этот коэффициент совпал по значению с результатом «Единства» в 1999 г. (при несовпадении географии,

о чем будет сказано чуть ниже). Правда, голосование за «Единую Россию» выглядит гораздо более равномерным, чем голосование за НДР в 1995 г. и ОВР в 1999 г., поддержка которых была сильно локализована (коэффициенты вариации для этих движений очень высоки — 0,73 и 1,11 соответственно).

Уровень территориальной вариации поддержки двух наиболее крупных партий — «Единой России» и КПрФ — практически идентичен (у КПрФ этот показатель даже несколько ниже — 0,33). Что касается КПрФ, то, в отличие от «Единой России», этот уровень регионального разнообразия сложился у нее давно и не меняется с выборов 1999 г. (0,34 в 1999 г., 0,33 в 2003 г., 0,35 в 2007 г.). На выборах 1993 и 1995 гг. поляризация электорального пространства в отношении КПрФ была существенно выше (в 1993 г. коэффициент составлял 0,59, в 1995 г. — 0,44).

Интересно, что другая «старая» партия, ЛДПР, напротив, демонстрирует растущую неравномерность территориальной поддержки, что может свидетельствовать и о неустойчивости ее нынешнего электората. Если во время кампаний 1999 и 2003 гг. эта поддержка оставалась достаточно ровной (0,36 и 0,35 соответственно против 0,40 в 1995 г. и 0,31 в 1993 г.), то после 2003 г. региональная вариативность голосования за ЛДПР стала расти: в 2007 г. коэффициент вариации достиг 0,41, в 2011 г. — 0,43. Другими словами, от хорошо выраженного среднего уровня региональной дифференциации начал приближаться к высокому, а следовательно, национализация ЛДПР снижается.

Неудивительно, что наибольшей вариативностью среди парламентских партий отличается «Справедливая Россия», причем ее уровень если и меняется, то в сторону некоторого увеличения: в 2007 г. коэффициент вариации для голосования за «эсеров» составлял 0,45, в 2011 г. — 0,47.

Анализ территориального разнообразия голосования за ведущие российские партии показывает, что тренд в направлении национализации партийной системы, четко обозначившийся в 2004—2008 гг., оказался обратимым. Только КПрФ вышла в 2000-е годы на сравнительно ровные показатели электоральной поддержки. Применительно к остальным партиям отмечается противоположная тенденция, наиболее ярко выраженная в случае «Единой России» и ведущая к появлению зон относительной нелояльности, противостоящих зонам полностью «управляемого» голосования. Неравномерной является региональная поддержка ЛДПР и «Справедливой России», причем такая неравномерность постепенно усиливается.

* * *

Большинство работ, посвященных национализации партийных систем, отличает невнимание к конкретным регионам. Как правило, авторов интересуют общие характеристики партийной системы, а с этой

точки зрения сами по себе территориальные единицы никакого значения не имеют и выступают лишь источниками данных для обобщенного анализа посредством различных формул. Между тем без выявления девиантных регионов и их детального исследования едва ли можно дать содержательные ответы на вопросы о ходе процесса национализации и его неудачах на тех или иных территориях.

Весьма полезным в этом плане нам кажется такой показатель, как евклидово расстояние. Смысл его состоит в анализе различий в голосовании того или иного региона и страны в целом. Если применительно к партиям мы определяем степень их национализации, то применительно к регионам — их типичность и девиантность, тем самым дополняя и развивая исследования национализации. Согласно формуле, евклидово расстояние представляет собой квадратный корень из суммы квадратов разностей между голосованием за каждую партию в конкретном регионе и ее общенациональным результатом. Низкие значения евклидова расстояния указывают на типичные регионы, высокие — на девиантные. Евклидово расстояние интерпретируется как условное расстояние в многомерном пространстве от данного региона до центра системы координат, который обозначает страну в целом⁴⁵.

⁴⁵ Возможны два способа идентификации центра в системе координат: на основе итоговых общенациональных результатов голосования за партии и на основе специально вычисленных показателей, представляющих собой среднее арифметическое результатов, полученных по регионам.

Для анализа территориального распределения могут также использоваться гистограммы, позволяющие зафиксировать отклонения от нормального распределения и наличие асимметрии и выбросов (последние, скорее всего, и будут составлять регионы с экстремальными значениями евклидова расстояния). Наиболее простые характеристики территориального распределения можно получить путем выявления для всех участников выборов экстремальных региональных показателей (максимумов и минимумов) и расчета амплитуды (разности между максимумом и минимумом).

Недостатком евклидова расстояния является сложность использования этого показателя в кросс-национальных и кросс-темпоральных сравнениях, а также интерпретации самой его размерности. Для любой конкретной избирательной кампании легко можно выявить самые типичные и самые девиантные регионы. Но определить, что такое много и что такое мало, крайне непросто, и очевидного инструментария здесь нет. Снижение и рост евклидова расстояния от года к году также с трудом поддаются качественной оценке. Еще больше проблем возникает при межстрановых сравнениях, поскольку в каждой стране будет своя амплитуда евклидовых расстояний и, соответственно, свое представление о сильных и слабых отклонениях. С нашей точки зрения, частично преодолеть эти сложности, как и в случае с коэффициентом вариации, можно за счет накопления эмпирического материала.

В качестве примера приведем наши расчеты евклидова расстояния для российских регионов на думских выборах 2011 г. Самым типичным регионом с минимальным значением евклидова расстояния (2,9) оказалась Ростовская область. В число наиболее типичных вошли также Ставропольский край, Курская, Белгородская, Воронежская области,

Еврейская АО и Марий Эл (показатель евклидова расстояния менее 5 единиц). В свою очередь, экстремальную девиантность продемонстрировала Чечня (56,8). Еще в ряде республик — Мордовии, Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии и Туве — показатель евклидова расстояния составил от 40 до 50 единиц. Таким образом, проведенный анализ еще раз подтвердил: в наибольшей степени отклоняются от среднего на выборах именно национальные республики, что свидетельствует об их обособленности в российском политическом пространстве.

Важно отметить, что в системах с доминирующими партиями, к каковым относится и Россия, наибольшая девиантность возникает как раз при сверхвысоком голосовании за ведущую партию, то есть при встраивании в основной тренд, а не отклонении от него. Разумеется, лоялистская девиантность остается важной региональной характеристикой и индикатором специфичности территории, но ее следует отличать от оппозиционной девиантности, которая, напротив, обусловлена голосованием за другие партии. Поэтому при интерпретации девиантности требуется дополнительное исследование ее причин. В одних случаях девиантными действительно будут регионы, не вписавшиеся в общенациональный тренд, в том числе те самые периферии, которые не затронула национализация. Но в других это могут быть регионы с очень высокой поддержкой одной из общенациональных партий.

В российском случае, как видно из сказанного выше, максимальная девиантность регионов носит как раз лоялистский характер. Регионы с оппозиционной девиантностью тоже есть, но евклидово расстояние у них существенно меньше, поскольку сама оппозиционность в России на выборах 2011 г. была весьма умеренной. Главные примеры оппозиционной девиантности на этих выборах — Ярославская (23), Костромская (21,8) и Вологодская (21,4) области.

* * *

Поскольку национализация является не только и не столько результатом, сколько процессом, особого внимания заслуживает ее динамика, которая может оказаться неустойчивой и разнонаправленной. Так, вопреки сложившемуся представлению о чрезвычайно высокой регионализации и даже «балканизации» канадской политики, некоторые авторы фиксируют признаки ее ренационализации, особенно в англоязычной части страны⁴⁶.

⁴⁶ Pruyzers 2014.

Немалый исследовательский интерес представляют причины такой динамики. Как уже говорилось, сам процесс национализации тесно связан с нациестроительством и созданием консолидированных общенациональных партийных систем. В этой логике у него должны быть и естественные ограничения, вызванные наличием резистентных периферий, характеризующихся этнокультурной обособленностью. В то же время, как показывает российский опыт, при определенных обстоятель-

ствах регионализм этнических периферий может уступить место демонстративной гиперлояльности центру.

Помимо этнической фрагментации, в качестве факторов, стимулирующих или тормозящих национализацию, могут выступать различные политические характеристики, включая территориально-государственное устройство. Дальнейшего изучения требует в том числе влияние федерализма и централизации, от которых в высокой степени зависит структура партийной системы⁴⁷. Принято считать, что централизация благоприятствует процессу национализации, делая вступление в общенациональные партии выгодным для местных политиков. Напротив, децентрализация укрепляет региональные органы власти и создает больше возможностей для региональных партий, которые могут быть заинтересованы и в продвижении в национальный парламент. Однако последние исследования демонстрируют отсутствие однозначной связи между централизацией и национализацией, обнаруживая зависимость происходящих процессов от электорального законодательства и обусловленной им значимости персонифицированного голосования за кандидатов в округах⁴⁸. Влиять на национализацию способен и возраст партий, постепенно обретающих устойчивый электорат, а также известность и поддержку на всей территории страны. В российском случае на это указывает пример слишком «юной» «Справедливой России», при том что опыт ЛДПР свидетельствует о возможном снижении уровня национализации старых партий.

⁴⁷ Chhibber, Kollmann 2004.

⁴⁸ Simon 2013.

⁴⁹ Cox, McCubbins 2001; Casteneda-Arganita 2013.

⁵⁰ Simon 2013.

Спектр исследований национализации может включать в себя анализ не только причин, но и последствий этого процесса. В частности, существует точка зрения, что в условиях высокой национализации государство меньше заинтересовано в адресной поддержке территорий⁴⁹, однако ее обоснованность оспаривается другими авторами⁵⁰.

* * *

В российском научном дискурсе, в отличие от западного, наиболее очевидной антитезой национализации представляется не инфляция (в описанном выше понимании), а регионализация. И хотя подобная трактовка не совсем верна, использовать регионализацию в таком качестве, на наш взгляд, вполне допустимо — но опять же с учетом существующих в мировой науке подходов к регионализации партийной политики.

В трудах по регионализации основное внимание обычно уделяется институту партий. Активно изучается сам феномен региональных партий⁵¹, а также их стратегии — одни региональные партии участвуют только в региональных выборах, другие включаются в общенациональные кампании самостоятельно, третьи вступают в коалиции с общенациональными партиями, становятся их местными союзниками. Анализируется деятельность общенациональных партий на субнациональном уровне — их стратегии на региональных выборах и позиции

⁵¹ Brancati 2007.

⁵² Pehl 2010; Van Houten 2009.

⁵³ Deschouwer 2006; Van Houten 2009.

⁵⁴ Hepburn 2010.

в субнациональных партийных системах⁵². При этом учитывается многоуровневая организация таких партий с их центральными офисами, местными структурами, собственными внутренними отношениями «центр—периферия» и определенной автономией региональных подразделений⁵³. Одним из важнейших направлений исследований является также регионализация поддержки общенациональных партий. Особый интерес представляют исследования субнациональных партийных систем, которые формируются прежде всего в децентрализованных государствах, где региональные выборы имеют большое значение и проходят в условиях конкурентной борьбы со своей акторной констелляцией. В некоторых работах структура региональных (субнациональных) партийных систем связывается с региональной идентичностью⁵⁴.

В исследованиях национализации региональными считаются партии, которые участвуют в выборах лишь на отдельных территориях и, соответственно, имеют сравнительно небольшое территориальное покрытие. Другим важным критерием принадлежности партии к категории региональных служит наличие партикуляристской идеологии, апеллирующей к интересам определенных территориальных сообществ. Обладающие подобной идеологией партии можно квалифицировать как подлинно региональные. Что касается партий, которые просто базируются в тех или иных регионах в силу своего происхождения (не являя какой-либо региональной идеологии) или ввиду недостаточной и фрагментированной территориальной поддержки, то их следует называть регионализированными.

⁵⁵ Pruyzers 2014.

⁵⁶ Pehl 2010.

⁵⁷ Ziegfeld 2007.

Наиболее подробно региональные партии исследовались на примерах Канады⁵⁵ и Индии⁵⁶. На материале последней были даже разработаны количественные индикаторы, позволяющие отличить региональную партию от общенациональной на основе данных о результатах голосования⁵⁷.

* * *

Последнее направление исследований, на котором мы хотели бы здесь остановиться, находится на стыке проблематики национализации и институционализации партийных систем. Речь идет о воспроизводстве территориальных паттернов голосования за те или иные партии, то есть о географии партийной поддержки. По нашему мнению, это важный критерий институционализации, поскольку институционализированные партии должны опираться на устойчивый электорат в регионах. В то же время изучение такой географии позволяет лучше понять динамику процесса национализации. Ведь общие индикаторы национализации не всегда способны зафиксировать перераспределение электората, меняющее рисунок партийной поддержки в регионах, если потери на одних территориях сопровождаются приобретением на других.

К распространенным способам измерения динамической национализации относится корреляционный анализ посредством вычисления коэффициента корреляции между голосованием за одну и ту же партию в региональном разрезе на выборах разных лет (чаще всего сопоставляются итоги двух непосредственно следующих друг за другом кампаний, хотя возможны сравнения за любые промежутки времени)⁵⁸. Более релевантной в данном случае, как и при любом корреляционном анализе в электоральной географии, представляется ранговая корреляция: проанализированный порядок следования регионов имеет большое значение и нередко бывает весьма устойчивым, тогда как сами результаты голосования могут существенно меняться. Кроме того, изучаются колебания электоральной поддержки (главным образом на примере британских выборов, проходящих по мажоритарной системе) с использованием показателя стандартного отклонения изменений поддержки⁵⁹. На основе дисперсии рассчитываются специальные показатели динамической национализации⁶⁰.

⁵⁸ Converse 1969; Hoschka, Schunck 1976.

⁵⁹ Butler, Stokes 1969; Johnston 1981.

⁶⁰ Morgenstern, Potthoff 2005; Aleman, Kellam 2008; Mustillo, Mustillo 2012.

⁶¹ Caramani 2004: 59.

Одной из проблем при изучении динамической национализации считается изменчивость границ избирательных округов, которая делает выборы разных лет несравнимыми, ибо в такой ситуации показатели *de facto* рассчитываются для разных региональных структур⁶¹. Эта проблема, однако, легко поддается решению, если анализ привязан к границам не избирательных округов, а административных регионов (в ряде случаев, когда данные предоставляются только по округам, это, правда, требует дополнительных расчетов). Как уже упоминалось, именно административные регионы видятся нам оптимальными единицами при анализе национализации.

Проведенное нами исследование динамической национализации в России показало, что при весьма умеренном снижении уровня национализации к думским выборам 2011 г. сформировалась новая структура электорального пространства, заметно отличающаяся от структуры 1990-х годов (что нельзя не связать с трансформацией политического режима и изменением его идеологии, а также с эксплуатацией консервативных месседжей, по сути обращенных к электорату, который в 1990-е годы находился в оппозиции).

Наиболее отчетливо прослеживается тенденция к формированию нового территориального паттерна голосования за КПРФ. Расчеты коэффициента ранговой корреляции голосования за эту партию в разрезе регионов на выборах разных лет позволяют говорить о постепенной трансформации географии ее поддержки (расчеты проводились для 83 субъектов Федерации⁶²). С выборами 1999 г. связь выражена слабо — всего 0,2*. Фактически нынешняя география голосования за КПРФ складывается в 2000-е годы, о чем свидетельствуют значимые корреляции с выборами 2003 г. (0,45***) и 2007 г. (0,68***). Другими словами, наблюдаемое сегодня голосование за КПРФ — порождение 2000-х годов, и электорат партии существенно обновился социально и географически.

⁶² Для объединения субъектов Федерации данные по выборам, которые проходили до их объединения, были пересчитаны в соответствии с новым административно-территориальным делением, чтобы обеспечить их сопоставимость.

Нынешняя география голосования за ЛДПР не так сильно отличается от 1990-х годов, как география голосования за КПрФ. Корреляция с выборами 1999 г. составляет 0,78***, с выборами 2003 г. — 0,82***, с выборами 2007 г. — 0,88***. Можно сказать, что она сложилась как минимум на один избирательный цикл раньше, нежели у коммунистов, то есть скорее в 1999 г., чем в 2003 г., и динамическая национализация ЛДПР в исторической ретроспективе стабильнее, чем у КПрФ. В сущности, ЛДПР представляет собой наилучший среди ведущих российских партий пример устойчивой динамической национализации, хотя, как уже отмечалось, сама степень национализации стала снижаться.

«Справедливая Россия» принимала участие только в двух кампаниях, которые продемонстрировали схожий территориальный паттерн (корреляция между выборами 2007 и 2011 гг. — 0,7***). При этом прослеживается его связь с голосованием за «Родину» в 2003 г. (0,52***), что позволяет считать последнюю основной предшественницей «эсеров».

География голосования за «Единую Россию», участвовавшую в трех думских кампаниях, является весьма устойчивой. Коэффициент корреляции с выборами 2007 г. — 0,78***, с выборами 2003 г. — 0,45***. Просматривается слабая связь с голосованием за бюрократические «партии власти» 1990-х годов, прежде всего за ОВР в 1999 г. (0,2*). Примечательно, что с «Единством», которое как раз не было бюрократическим по стилю кампании участником выборов, голосование за «Единую Россию» не связано (-0,17).

Таким образом, электоральная география России в 2000-е годы изменилась в первую очередь за счет КПрФ. География поддержки ЛДПР стала складываться с середины 1990-х годов, и с того же времени складывалась география лояльного голосования.

* * *

Разработанный в мировой науке инструментарий, на наш взгляд, открывает хорошие возможности для изучения российских выборов с точки зрения национализации и регионализации партийной системы. Такие исследования, дефицит которых резко контрастирует с довольно заметными достижениями в области электоральной географии, позволят лучше понять роль территориальных факторов в российской политике и в конечном счете оценить их влияние на партийную систему. Крайне востребованными остаются и сравнительные исследования, в том числе на материале посткоммунистических стран, для существенной части которых (например, для Украины) значение регионализации трудно переоценить.

Библиография

- Alemán E.**, Kellam M. 2008. The Nationalization of Electoral Change in the Americas // *Electoral Studies*. Vol. 27. № 2.
- Bochsler D.** 2010. Measuring Party Nationalization: A New Gini-based Indicator That Corrects for the Number of Units // *Electoral Studies*. Vol. 29. № 1.
- Brancati D.** 2007. The Origins and Strengths of Regional Parties // *British Journal of Political Science*. Vol. 38. № 1.
- Butler D.E.**, Stokes D.E. 1969. *Political Change in Britain: Forces Shaping Electoral Choice*. — N.Y.
- Caramani D.** 2004. *The Nationalization of Politics: The Formation of National Electorates and Party Systems in Western Europe*. — Cambridge.
- Castenada-Angarita N.** 2013. Party System Nationalization, Presidential Coalitions, and Government Spending // *Electoral Studies*. Vol. 32. № 4.
- Chhibber P.K.**, Kollman K.W. 2004. *The Formation of National Party Systems: Federalism and Party Competition in Canada, Great Britain, India, and the United States*. — Princeton.
- Claggett W.**, Flanigan W., Zingale N. 1984. The Nationalization of the American Electorate // *American Journal of Political Science*. Vol. 78. March.
- Converse P.E.** 1969. Survey Research and the Decoding of Patterns in Ecological Data // Dogan M., Rokkan S. (eds.) *Quantitative Ecological Analysis in the Social Sciences*. — Cambridge.
- Cox G.W.** 1997. *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. — Cambridge.
- Cox G.W.** 1999. Electoral Rules and Electoral Coordination // *Annual Review of Political Science*. Vol. 2.
- Cox G.W.**, McCubbins M.D. 2001. The Institutional Determinants of Policy Outcomes // Haggard S., McCubbins M.D. (eds.) *Presidents, Parliaments and Policy*. — Cambridge.
- Deschouwer K.** 2006. Political Parties as Multi-level Organizations // Katz R., Crotty W. (eds.) *Handbook of Party Politics*. — L.
- Harbers I.** 2010. Decentralization and the Development of Nationalized Party Systems in New Democracies: Evidence from Latin America // *Comparative Political Studies*. Vol. 43. № 5.
- Hepburn E.** 2010. Small Worlds in Canada and Europe: A Comparison of Regional Party Systems in Quebec, Bavaria and Scotland // *Regional and Federal Studies*. Vol. 20. № 4–5.
- Hoschka P.**, Schunck H. 1976. Regional Stability of Voting Behaviour in Federal Elections: a Longitudinal Aggregate Data Analysis // Kaase M., Beyme K. von (eds.) *Elections and Parties. Vol. 3: German Political Studies*. — L.
- Johnston R.J.** 1981. Testing the Butler-Stokes Model of a Polarization Effect around the National Swing in Partisan Preferences: England, 1979 // *British Journal of Political Science*. Vol. 11. № 1.

Jones, M., Mainwaring S. 2003. The Nationalization of Parties and Party Systems: An Empirical Measure and an Application of the Americas // *Party Politics*. Vol. 9. № 2.

Kasuya Y., Moenius J. 2008. The Nationalisation of Party Systems: Conceptual Issues and Alternative District-Focused Measures // *Electoral Studies*. Vol. 27. № 1.

Kawato S. 1987. Nationalization and Partisan Realignment in Congressional Elections // *American Political Science Review*. Vol. 81. № 4.

Klinghard D. 2010. *The Nationalization of American Political Parties, 1880—1896*. — N.Y.

Lee A. 1988. *The Persistence of Difference? Electoral Change in Cornwall*. Paper delivered at the Political Studies Association Conference. — Plymouth.

Lipset S., Rokkan S. (eds.) 1967. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. — N.Y.

Mazzoleni M. 2009. The Saliency of Regionalization in Party Systems: A Comparative Analysis of Regional Decentralization in Party Manifestos // *Party Politics*. Vol. 15. № 2.

Moenius J., Kasuya Y. 2004. Measuring Linkage across Districts // *Party Politics*. Vol. 10. № 5.

Morgenstern S., Potthoff R.F. 2005. The Components of Elections: District-Time Effects, District Heterogeneity, and Volatility // *Electoral Studies*. Vol. 24. № 1.

Morgenstern S., Polga-Hecimovich J., Siavelis P.M. 2014. Seven Imperatives for Improving the Measurement of Party Nationalization with Evidence from Chile // *Electoral Studies*. Vol. 33.

Mustillo T., Mustillo S. 2012. Party Nationalization in a Multilevel Context: Where's the Variance? // *Electoral Studies*. Vol. 31. № 2.

Pehl M.A. 2010. *Regionalization and Institutionalization: Dimensions of Multi-level Party System Change in India*. — Heidelberg.

Pruysers S. 2014. Canadian Party Politics in the 2000s: A Re-examination of the Regionalization Thesis // *Canadian Political Science Review*. Vol. 8. № 1.

Rokkan S. 1970. *Citizens, Elections, Parties*. — Oslo, N.Y.

Rokkan S. 1977. Towards a Generalized Concept of Verzuiling // *Political Studies*. Vol. 25. № 4.

Rokkan S., Urwin D.W. (eds.) 1982. *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. — L.

Rokkan S., Urwin D.W. (eds.) 1983. *Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*. — L.

Rokkan S., Urwin D.W., Aarebrot F., Malaba P., Sande T. 1987. *Centre-Periphery Structures in Europe: An ISSC Workbook in Comparative Analysis*. — Frankfurt, N.Y.

Rose R., Urwin D. 1975. *Regional Differentiation and Political Unity in Western Nations*. — L.

Schattschneider E. 1960. *The Semisovereign People: A Realist's View of Democracy in America*. — N.Y.

Simón P. 2013. The Combined Impact of Decentralization and Personalism on the Nationalization of Party Systems // *Political Studies*. Vol. 61. № 4.

Stokes D.E. 1967. Parties and the Nationalization of Electoral Forces // Chambers W.N., Burnham W.D. (eds.) *The American Party System: Stages of Political Development*. — Oxford.

Taylor P., Johnston R. 1979. *Geography of Elections*. — N.Y.

Urwin D.W. 1982. Territorial Structures and Political Developments in the United Kingdom // Rokkan S., Urwin D.W. (eds.) *The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*. — L.

Van Houten P. 2009. Multi-level Relations in Political Parties: A Delegation Approach // *Party Politics*. Vol. 15. № 2.

Ziegfeld A. 2007. *Regionalism, Party Building and Rule of Law: Explaining the Strength of Regional Parties in India*. Paper presented at the American Political Science Association Annual Meeting. — Chicago.

Zuckerman A. 1975. Political Cleavage: A Conceptual and Theoretical Analysis // *British Journal of Political Science*. Vol. 5. № 2.